

Нынешней осенью у московских театралов появилась возможность увидеть четыре шекспировских спектакля в исполнении западных театральных трупп. Признаюсь, что, собираясь в театр, я думала о том, какой же на этот раз эксперимент будет проведен с шекспировской трагедией. Причиной такого скепсиса послужили работы Чулли.

Невольно вспоминая их, я ожидала увидеть в "Ромео и Джульетте" молодого немецкого режиссера Леандера Хауссмана ультра-современное действо. Но открылся занавес — и все опасения рассеялись...

Хауссманн нашел интересный режиссерский ход: ввел в спектакль персонаж, которого нет у Шекспира, — древнеримского поэта Публия Овидия Назона (Ральф Диттрих). За исключением нескольких сцен на протяжении всего спектакля он присутствует на сцене. Временами он молча наблюдает за происходящим, иногда включается в действие — стоит вместе с Ромео под балконом Джульетты и

РОМАНТИЗМ ВХОДИТ В МОДУ

"Ромео и Джульетта" мюнхенского Резиденцтеатра

поет ей серенаду, аккомпанируя себе на гитаре. Его лицо можно разглядеть в шумной толпе молодых веронцев, а однажды, перед знакомством Ромео с Джульеттой, он появится с аккордеоном в руках, в черном женском платье и черной широкополой шляпе, и лицо его будет закрыто зловещей маской в виде черепа.

В первом акте Хауссманну удалось создать яркий сценический праздник. Здесь царит атмосфера беззаботного веселья, непридуманной игры. Все происходящее воспринимается как безобидная шутка, веселый розыгрыш. Попотчевав друг друга пинками и озорно потыкав клинками, молодые аристократы вновь возвращают шпаги в ножны.

Гуртрам Браттиа и Анне-Мари Бубке — Ромео и Джульетта, кажутся самым воплощением поэтических образов Шекспира — такие чистые, восторженные и юные. Их закомство происходит на авансцене, на фоне черного полотна закрытого занавеса. Они уже обречены. Но сколько романтики и чистоты в их первом стыдливом поцелуе, какое упоение жизнью в следующей за этим сцене на балконе. После их встречи в спектакле впервые по-настоящему звучит трагическая нота. Теперь, по замыслу режиссера, действие разворачивается во время эпидемии чумы. Шумный праздник затихает, звучит орган, и на сцену выходят люди в причудливых масках, с горящими факелами, среди которых появляется Смерть. От-

ныне она будет править бал, будет неотступно преследовать персонажей, вмошиваясь в их жизнь. Так режиссер вводит в спектакль важный ренессансный мотив — мотив любви, идущей рука об руку со смертью.

И вот уже убит Меркуцио, за ним Тибальт. А сцену прощания Ромео с Джульеттой во втором действии режиссер переносит в открытое поле — она происходит среди могил и трупов. Но ни эта сцена, ни финальная сцена в склепе не звучат пессимистически. Ромео и Джульетта до конца остаются восторженными детьми, а дети не верят в смерть, они даже не представляют, что это такое. Для них не существует ничего, кроме их первой, такой сильной и всепоглощающей любви...

Леандер Хауссманн опровергает предположение своего соотечественника, что театру сейчас уже не нужна драматургия.

Светлана ЛУКАНИЧЕВА

Лит. газ. — 1994. — 7 дек. — С. 8.